

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Татауров Ф.С.

БУК «Музей-заповедник «Старина Сибирская»
ул. Советов, 29, р.п. Большеречье, Омская область, 646670
E-mail: fil_opossum@mail.ru

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XX в. В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ И АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Изучение процессов адаптации русских переселенцев к условиям Западной Сибири требует внимания к наиболее важным элементам материальной культуры, одним из которых является жилище. В письменных и этнографических источниках содержатся разрозненные данные, позволяющие увидеть общую картину, но без учета особенностей конкретного микрорегиона, в частности Омского Прииртышья. Археологические материалы, полученные в ходе раскопок г. Тары и окружающих ее сельских памятников, позволяют выявить типы жилищ, оценить их площадь и планиграфию, определить характерные черты отдельных строений в усадебных комплексах и даже создать модели раскопанных объектов, однако рассматриваются лишь единичные примеры. Автором статьи была проведена этнографическая экспедиция в один из районов Омской области; соединение полученных этнографических данных с материалами археологических и письменных источников дает возможность рассмотреть основные типы жилых построек русского населения Омского Прииртышья в XVII — начале XX в. для определения их особенностей и тенденций развития.

Ключевые слова: жилище, Омское Прииртышье, XVII — начало XX в., археология, этнография русских.

Археологическое изучение русских городов и поселений XVII–XVIII вв. на территории Западной Сибири дало представительные материалы по многим сторонам жизни русских сибиряков. Исследование археологических памятников на разных территориях западносибирского макрорегиона (Тобольск, Мангазея, Березов, Томск, Тара, Кузнецкий, Умревинский остроги, Енисейск) позволило выявить региональные особенности и получить общую картину эволюции социально-культурного облика русского сибиряка в XVII–XIX вв. При этом интересным представляется углубленное изучение процессов этнокультурной адаптации в микрорегионах, что позволит проследить изменение отдельных аспектов материальной культуры. В статье в качестве одного из таких аспектов рассматривается сельская и городская архитектура на базе материалов, полученных в ходе изучения археологических памятников и современных населенных пунктов Омского Прииртышья.

Этнографы и историки неоднократно обращались к изучению жилищных комплексов русского населения Сибири XVII–XIX вв., в литературе подробно рассматриваются структура и состав усадеб и функциональное назначение построек (напр.: [Александров, 1981; Ащепков, 1950; Майничева, 2002; Шелегина, 2001, 2005]). Однако в этих работах материалы археологических исследований не учитывались, отчасти потому, что их было недостаточно или они не были опубликованы. Анализируя указанные труды, можно отметить разную степень изученности регионов Сибири: наиболее представительные данные собраны по Енисейскому и Томскому уездам, деревням Алтая и Зауралья, меньший объем информации характеризует жилища крестьян Тобольской, Омской губерний. Стоит обратить внимание и на время сбора материала — для Омского Прииртышья, например, это вторая половина XIX — первая половина XX в. [Ащепков, 1950; Шелегина, 2001].

Обращаясь к археологическому источнику для изучения обозначенной проблемы, можно отметить, что в современной сибирской историографии уже есть исследования монографического характера, в которых реконструкции усадебных комплексов выполнены на основе данных археологии [Черная, 2015; Визгалов, Пархимович, 2017]. В Омском Прииртышье на настоящий момент изучен ряд памятников: город Тара (крепость и острог), сельские памятники Изюк-1, Бергамак-1, Ананьино-1 (Большереченский, Муромцевский и Тарский районы Омской области). Полученные в ходе раскопок данные позволяют выявить типы жилищ, оценить их площадь и планиграфию, определить характерные черты отдельных строений в усадебных комплексах и даже создать модели раскопанных объектов [Татаурова и др., 2014, с. 262; Татауров и др., 2019, с. 285]. Однако обширный археологический материал и данные письменных и этнографических ис-

точников по населенным пунктам Омского Прииртышья детально соотнести между собой достаточно сложно. Это связано с тем, что как по письменным, так и по археологическим источникам рассматриваются лишь единичные примеры, не связанные между собой, а подробного этнографического обследования и описания населенных пунктов региона не проводилось ни в XIX, ни в XX в.

В связи с неполнотой источников автором проведена этнографическая экспедиция в один из регионов Омского Прииртышья для изучения русской сельской архитектуры XIX — начала XX в. и соотнесения полученных данных с имеющимся археологическим и этнографическим контекстом. Для изучения выбран Большереченский район Омской области, что объясняется характером его заселения: русские деревни в северной части района (одна из которых, Изюк, была исследована археологически) появились во второй трети XVII в., а юг был освоен лишь к началу XIX в. Это позволило выявить как традиционные черты, сохраняемые в архитектуре на протяжении всего изучаемого периода, так и особенности в русском домостроительстве XVIII и XIX вв.

Цель — рассмотреть основные типы жилищных комплексов русского населения Омского Прииртышья в XVII — начале XX в. для определения их особенностей и тенденций развития, для жилых построек XVII–XVIII вв. — выявить элементы, маркирующие социальное положение проживающих в них людей.

Характеристика жилых построек XVII–XVIII вв. и их место в планиграфии поселения

Ранние этапы заселения и освоения Омского Прииртышья непосредственно связаны с развитием города Тары как военно-административного центра. Здесь была построена мощная крепость, вокруг которой находился окруженный стеной острог. За стенами острога располагались слободы иноземцев (бухарцев) и инородцев (татар) [Татауров и др., 2019, с. 258, 266]. Каждая из обозначенных зон (крепость, острог, слободы) являлась местом жительства конкретных социальных групп населения, с которыми связаны определенные типы построек. По данным письменных источников, в крепости (кремле), размер которой составил 164 сажени (примерно 350 м) в окружности, помещались склады для военных запасов, воеводская усадьба, дом сотника с хозяйственными постройками, церковь и тюрьма для заложников (аманатов) [Гуменюк, Ляликов, 2013, с. 239]. Здесь проживали представители царской администрации (воеводы, воинские командиры, высшее духовенство) со своей челядью. В результате многолетних раскопок в центральной части крепости, проводимых омской лабораторией ИАЭТ СО РАН (С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов) и ТГУ (М.П. Черная), была вскрыта часть усадьбы с домом, баней (мыльней) и избой для челяди. Жилая постройка, размерами 6×12 м, была срублена «в чашу» из сосновых бревен диаметром не менее полуметра, она имела теплые сени и стояла на подклете [Татауров, Черная, 2014, с. 292–295; Татауров и др., 2019, с. 285–286]. На социальный статус людей, проживающих в тарской постройке, указывают ее особенности, в том числе наличие подклета, характерного для зажиточных домов, что подтверждается, в частности, раскопками воеводской усадьбы в Томском кремле [Черная, 2015, с. 54–69].

В острожной части города Тары строили дома представители среднего слоя общества. В XVII — первой половине XVIII в. его основу составляли служилые люди. По письменным источникам, на территории острога в 1624 г. располагались две церкви, гостинный и воеводский дворы и 218 казачьих домов [Гончаров, Ивонин, 2006, с. 30]. Необходимо отметить, что чем выше был статус человека, тем ближе к кремлю он строил свое жилище, и в начальный период существования города, когда подавляющее большинство его населения было служилым, расселение, вероятно, производилось по этому принципу. Это подтверждается археологическими данными: в ходе раскопок 2021 г. был исследован дом воинского командира, предположительно десятника, располагавшийся в непосредственной близости от крепости [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2021, с. 669–672]. Позднее, когда граница русских земель отодвинулась от города и значение крепости и ее гарнизона начало снижаться, в домах в центре города стало возможным проживать представителям других социальных слоев (купечество, ремесленники). В Таре, например, рядом с улицей, на которой было изучено шесть жилых построек XVII–XVIII вв., где проживали представители служилого сословия, в конце XVIII в. оказались расположены хозяйственные и служебные постройки (судя по обнаруженному археологическому материалу). Похожая ситуация фиксируется, например, по результатам раскопок Тобольска, где торговые лавки XVIII–XIX вв. пристраивались прямо к крепостным башням [Адамов, 2000, с. 450–453].

Площадь выявленных в острожной части Тары жилых построек, большинство которых одноквартирные, составляла от 9 м² (изба первой половины XVII в.) до 20–30 м² в избах XVIII в., стоявших близко друг к другу (на расстоянии 50–80 см) [Татауров и др., 2019, с. 291–294]. Средний

размер жилого дома в Тобольске также находился в пределах 18–30 м², при том что в это пространство могли попадать части хозяйственных построек [Аношко, 2014, с. 138–142].

В исследованной части Тарского острога пока не выявлены двух-, трехчастные постройки. Между тем даже в Мангазее, в условиях нехватки строевого леса, двухкамерные (изба с сенями) и трехкамерные (изба-сени-клеть) жилища составляли 60 % от общего количества [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 7–9]. Двухкамерные постройки обнаружены и при раскопках Тобольска [Аношко, 2014, с. 138–142].

Общим элементом изученных тарских жилых построек является глинобитная печь. В XVIII в. в Западной Сибири идет активное распространение печей, топившихся «по белому», нехарактерных для традиционно топившихся «по-черному» жилищ предшествующей эпохи. Первоначально они были атрибутом домов только представителей верхнего слоя сибирского общества [Александров, 1981, с. 115]. На рисунке, выполненном в 1734 г. И.Х. Беркханом, печные трубы присутствуют на постройках близлежащей к крепости части острога [Татауров и др., 2019, с. 366].

При раскопках в заполнении жилищ и рядом с ними было обнаружено большое количество слюды, что говорит о распространении в XVII–XVIII вв. в Таре слюдяных окон. В XVII в. на территории Европейской России значительная часть низших слоев горожан и крестьянства в своих жилищах в качестве окон использовала небольшие отверстия, закрывавшиеся щитком-волоком. В Западной Сибири слюда же в этот период получила широкое распространение, что стало определенного рода новацией, об этом говорят археологические материалы, полученные в ходе исследований не только Тары, но и других городов и поселений того времени: Томска [Черная, 2015, с. 92–99], Березова [Пархимович, 2008, с. 260], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 215], сельских памятников Омского Прииртышья Изюк-1 и Ананьино-1 [Татауров и др., 2018, с. 136–137]. Слюда хорошего качества по прозрачности близка к стеклу и обеспечивала в помещениях необходимую освещенность и температуру. Для увеличения срока службы слюдяных пластин в домах представителей высших социальных слоев русского сибирского общества использовали железные переплеты, которые в Сибирь привозили из европейской части страны [Александров, 1981, с. 114].

Подводя итог рассмотрению городских жилых построек, можно отметить, что в XVII — первой половине XVIII в. представители царской администрации строили многокамерные дома на территории кремля — в центральной части города. В острожной части западносибирских городов, где обитали представители других социальных групп, строили как однокамерные жилища, что подтверждают раскопки в Таре, так и многокамерные жилые постройки, хотя археологически их выявлено пока немного. Из социально значимых конструктивных элементов дома можно выделить наличие печей «по-белому» и слюдяных окон, постепенно становящихся атрибутами домов не только представителей царской администрации, но и средних слоев горожан.

Обращаясь к характеристике деревенских построек XVII–XVIII вв., следует сказать, что первыми жителями деревень рядом с городами также были служилые люди, которым предписывалось обеспечение города хлебом и защита близлежащих русских и татарских поселений от набегов кочевников со стороны казахстанских степей. Таким образом, город и деревню в описываемый период населяли люди, близкие по социальному статусу, при освоении этих земель они пользовались теми же природными ресурсами и жили примерно в одинаковых условиях [Татауров, 2014, с. 139–146].

В отличие от города, в деревне сложно выделить «центр», особенно если в ней отсутствовала церковь. Е.А. Ащепков по результатам архитектурных наблюдений пишет о трех основных типах деревенской застройки: 1) «гнездовой», когда от домов первопоселенцев населенный пункт разрастался во все стороны; 2) притрактный, отличающийся протяженностью и домами по обе стороны дороги; 3) озерный, когда строения располагались по берегам больших рек и озер в один или два ряда [1950, с. 22–25]. Для сельских населенных пунктов Омского Прииртышья наиболее характерен первый тип. Первопоселенцы, основывая деревню, выбирали для строительства своих жилищ наиболее удобные места — это хорошо фиксируется по результатам этнографических и топографических наблюдений [Татаурова и др., 2014, с. 42–49]. Переселенцам, пришедшим позднее, отводились участки на окраине, «где придется», об этом говорит общий характер социальных отношений старожильческой и переселенческой групп сельского населения: потомственные старожилы нередко относились к приехавшим из России «лапотонам» как к людям второго сорта [Бережнова, 2011, с. 22]. Стоит отметить, что, вероятно, во всех селениях, вне зависимости от состава населения, особо могли выделяться дома приказчиков, духовенства.

По свидетельствам письменных источников, до середины XVII в. в Западной Сибири доминирующим типом деревенского жилища оставалась изба [Александров, 1981, с. 106]. Материа-

лом для строительства, как правило, выступала сосна, причем не только для жилых, но и для хозяйственных построек, хотя в отдельных случаях в дело шла легкая в обработке, хоть и быстро гниющая, осина [Александров, 1981, с. 105, 111]. Но обилие материала, наличие свободных площадей привели к тому, что известные с начала XVII в. трехкамерная связь (изба-горница-сени или изба-сени-клеть) и двухкамерная связь, типа пятистенка, или избы с прирубом во второй половине столетия могли составлять две трети от общего числа жилых построек. В частности, в одной из деревень Енисейского уезда в 1670–1680-е гг. из 37 жилых строений — 17 трехкамерных, 13 двухкамерных, 7 однокамерных [Александров, 1981, с. 107].

Отмеченное выше хорошо фиксируется по результатам археологического изучения прииртышских деревень. На памятнике Ананьино-I (раскопанная часть датируется первой третью XVII — второй третью XVIII в.) исследовано пять трехчастных построек различной планировки: две в сочетании клеть-сени-горница (с печью); две — изба (с печью)-сени-горница (без печи); одна — горница-сени-горница (обе горницы с печами). На памятнике Изюк-I (раскопанная часть датируется XVIII в.) изучено пять жилых помещений, по планировке они делятся на три типа: трехчастная изба-связь (три жилища — все с одним большим помещением и одним поменьше) в сочетании клеть (помещение с подполом)-сени-горница (с печью), пятистенок с прирубом и изба [Татаурова, 2018, с. 163]. Все археологически изученные постройки поставлены прямо на землю. Хотя по письменным источникам уже в середине XVII в. фиксируется трехчастная постройка (изба-горница-сени) на подклете [Александров, 1981, с. 106]. Представляется, что, как и в городе, обитатели жилищ на подклетах имели более высокое положение в обществе в сравнении с обитателями остальных жилищ.

Размеры домов были весьма значительными. Жилая площадь двух- и трехчастных построек на Ананьино-I и Изюке-I составляла от 42,5 до 71,4 м², площадь избы на Изюке-I — 29,2 м² [Татаурова, 2018, с. 163]. Строились дома из сосновых бревен диаметром 20–50 см.

Расположенные в жилых постройках печи были глинобитные; возможно, в указанный период начинают использоваться печи с трубами, топившиеся «по-белому» [Татаурова и др., 2014, с. 188]. Как и в городе, в деревнях оконные проемы в это время начинают заполнять слюдяными переплетами (шитухами), многочисленные фрагменты слюды были обнаружены в каждой жилой постройке.

Холодные сени предназначались для хранения хозяйственного инвентаря, их площадь составляла от 8,7 до 18,6 м² [Татаурова, 2018, с. 163]. В археологически изученных постройках сени бревенчатые, хотя по письменным данным начала XVIII в. фиксируется использование полубревен (горбыля) или дощатых плах для их постройки [Александров, 1981, с. 108–109]. Все бревенчатые постройки рубились в чашу с выпуском, что было в целом характерно для домостроительства того времени [Александров, 1981, с. 112].

Историк архитектуры Е.А. Ащепков, обследуя западносибирские жилища, фиксировал прикрытие крытых дворов к жилищу [1950, с. 26–27]. Археологически на территориях усадеб сельских памятников Омского Прииртышья исследованы хозяйственные постройки — части сараев, загоны для скота [Татаурова, 2018, с. 161], что коррелируется с письменными источниками середины XVII в.: «сарай, баня и погреб»; «баня и овин», «сенник, баня и изба скотская» [Александров, 1981, с. 106–107].

Рассмотрев характеристики сельского жилого дома XVII–XVIII вв., можно сделать следующие выводы. Наличие больших площадей под застройку и доступность качественной древесины позволяли русским служилым людям и крестьянам строить большие (до 70 м²) многокамерные дома с развитой усадьбой. Как и в городе, в изучаемый период появляются новационные элементы — слюдяные окна и печи «по-белому», с трубой. Социально значимым был тип жилой постройки — в однокамерных избах, вероятно, жили беднейшие слои сельского населения. Археологический материал, полученный в ходе изучения жилых построек сельских памятников Прииртышья, в целом однотипен, статусные вещи (например, китайская фарфоровая посуда, украшения) встречаются везде, а разница в их количестве может быть объяснена сроком существования дома.

Характеристика жилых и отдельных хозяйственных построек XIX — начала XX в.

Источником стали материалы этнографического обследования автором старожильческих деревень Большереченского района Омской области. Всего описано 157 построек в 12 населенных пунктах, из них 148 жилых и 9 хозяйственных.

Критериями для анализа построек стали:

1) дата основания населенного пункта, в котором собирался материал. Семь поселений основано в конце XVII — XVIII в., во времена наиболее активного хозяйственного освоения края, в них обследовано 129 построек из 157, т.е. большинство;

Татауров Ф.С.

2) отсутствие современных отделочных материалов (сайдинг, дощатая обшивка) во внешнем оформлении дома. В противном случае невозможно, например, посчитать количество венцов, определить иные конструктивные особенности;

3) указание местных жителей и краеведов, обладающих информацией об истории и времени строительства и функционирования конкретных жилищных комплексов.

Первым значимым фактом, обратившим на себя внимание, стало резкое, по сравнению с XVIII в., уменьшение численности многокамерных (3 и более помещений) построек.

Из всей выборки зафиксированы 12 пятистенков с прирубом, три трехчастные избы-связи и пять крестовых домов, что составило 13,3 % от общего числа. Общее соотношение изученных построек представлено в табл. 1.

Таблица 1

Количество проанализированных жилых построек в Большереченском районе по типам

Table 1

The number of analyzed residential buildings in Bolsherechensky district by type

Населенный пункт, дата основания	Изба	Изба с прирубом	Изба-связь	Пятистенок	Пятистенок с прирубом	Крестовой дом	Всего
с. Такмык, 1682 г.	4 (9,5 %)	9 (21,5%)	—	21 (50 %)	6 (14,3 %)	2 (4,7 %)	42
д. Колбышево, между 1711 и 1734 гг.	—	1 (9 %)	—	7 (63,6 %)	3 (27,3 %)	—	11
д. Решетниково, 1733 г.	—	—	—	7	—	1	8
с. Ингалы, между 1734 и 1763 гг.	4 (15,4%)	3 (11,5%)	—	17 (65,4 %)	2 (7,7%)	—	26
д. Боровянка, 1754 г.	—	2	2	1	—	—	5
с. Могильно-Посельское, между 1763 и 1782 гг.	7 (41,2 %)	3 (17,6 %)	—	7 (41,2 %)	—	—	17
с. Евгацино, 1650 г. как д. Изюцкая (поселение Изюк-1), на современном месте с 1796 г.	1 (5%)	4 (20 %)	1 (5%)	12 (60 %)	—	2 (10 %)	20
д. Терехово, 1809 г.	—	—	—	5	—	—	5
д. Шуево, 1809 г.	—	—	—	4	—	—	4
д. Осихино, 1820 г.	—	—	—	2	—	—	2
д. Ростовка, 1894 г., часть домов перевезена из д. Картовской, 1764 г.	2	—	—	3	1	—	6
д. Милино, 1890 г.	—	—	—	1	—	—	1
Всего	18 (12,2 %)	22 (15 %)	3 (2 %)	87 (59,2 %)	12 (8,2 %)	5 (3,4 %)	147 *

* Еще одна изученная жилая постройка — каркасно-насыпной дом в деревне Боровянка, построенный в начале XX в.

Из таблицы видно, что в настоящее время более половины (59,2 %) изученных домов представляют собой классические пятистенки. Это постройки с пятью основными стенами, образующими два помещения, четырьмя или шестью окнами на фасадной и по одному — на боковых стенах. Внутри такого жилища имеется одна кирпичная печь, в редких случаях во второй комнате установлена металлическая печь «голландка».

Другой тип двухкамерной постройки, изба с прирубом, составляет 15 % от общего количества изученных жилищ. Прируб, как правило, складывался из бревен в заплот к выпускам основного строения, чаще всего с противоположной от улицы стороны. В нем располагалась входная дверь. Зачастую качество материала, использовавшегося для прируба, хуже, это выражается как в меньшем диаметре бревен, так и в применении обмазки для его утепления. Кроме входной двери в прирубе имеется одно, реже — два окна. В основной постройке два, реже — три окна располагались на фасадной стене, еще по одному было по бокам. Столько же окон было и в избах без прируба (12,2 %), представляющих традиционный для Западной Сибири тип однокамерной постройки.

Многокамерные постройки в изученных населенных пунктах делятся на три типа. Самый немногочисленный из них — избы-связи. Наибольший интерес представляет «изба с развитой связью, превращенной в жилую комнату» (по определению Е.А. Ащепкова [1950, с. 36]), обнаруженная в Евгацино. Она состоит из двух срубов (комнат), в каждом имелась кирпичная печь, а между ними небольшая проходная комната. К задней стене дома на всю ее длину пристроены дощатые сени, из них в каждый из срубов вела отдельная дверь. В каждом из срубов было по три окна на фасадной стене и по два на торцевых стенах. В центральной части имелось трехчастное окно с небольшой аркой по центру.

Две другие избы-связи, изученные в д. Боровянка, однотипны: изба-клеть-сени, причем хорошо прослеживается порядок возведения элементов жилища — первоначально была построена изба, стоящая по линии других домов улицы, к которой с задней стороны пристроены остальные части. Три окна расположены на фасадной стене избы и по одному на левой стене центральной клетки, в одном случае дополнительное окно присутствует на правой стене избы. В одной из построек печь расположена в избе, в другой — в центральной клетке.

Второй тип многокамерных построек — пятистенки с прирубом. Прируб, как правило, расположен с задней части основной постройки под отдельной крышей. В нем во всех случаях присутствуют дополнительная печь и от двух до пяти окон. В него же перемещается входная дверь.

Третий тип многокамерных построек — крестовые дома, или шестистенки. Они получили распространение в Западной Сибири лишь во второй половине XIX в. [Ащепков, 1950, с. 40–42], но и в настоящее время их количество в населенных пунктах крайне невелико, что связано, вероятно, как с трудозатратностью их постройки, так и с дороговизной необходимого материала. В крестовом доме две печи, причем в двух случаях из пяти одна из печей была вынесена на улицу.

Отдельно рассмотрим две постройки, которые выделяются из всего многообразия домов и прямо не подпадают ни под одну категорию. Это два двухэтажных пятистенка, обнаруженных в с. Ингалы. Конструктивно они повторяют одноэтажные постройки. У первого из них в обеих клетях на фасадной стене имеется по два окна на каждом из этажей, по одному окну на каждом этаже расположено и с торцов здания. Входная дверь с задней стороны, межэтажная лестница внутри дома, печи на первом этаже, по одной в каждой из половин. С задней стороны к дому пристроены бревенчатые сени под отдельной крышей, по одному окну в торцевых стенах. Второй двухэтажный дом имеет ряд отличий. В частности, фасадная стена первого этажа одной из клеток глухая, во второй три окна, торцевые стены без окон. На втором этаже по три окна расположено на фасадной стене каждой клетки, по два окна на торцевых стенах здания. С задней стороны дома, с левой стороны, пристроен одноэтажный прируб с одним окном на каждой из боковых стен, к нему, в свою очередь, пристроены последовательно бревенчатые и дощатые сени под отдельной крышей, и в тех и в других по одному окну с левой стороны. В дощатых сенях расположена входная дверь.

Рассмотрев постройки, перейдем к данным, характеризующим высотность изученных зданий. Сразу необходимо отметить полное отсутствие в жилых домах подклетов. Общая высота стен от 2,5 до 3 м. По наблюдениям, сделанным этнографами в деревнях Восточной Сибири [Курилов и др., 2005, с. 93; Сабурова, 1967, с. 110], одноэтажный дом складывался из 14–17 венцов, средняя высота его была 3–3,5 м. Однако в деревнях Омского Прииртышья количество венцов в жилых постройках варьировалось, при том что высотность везде была примерно одинакова (табл. 2).

На постройки с малым количеством венцов шел отборный лес, диаметром до 40 см. В большинстве своем это избы, с прирубом и без него. Самая многочисленная категория — постройки с 11–15 венцами. Внутри нее примерно 50 % домов имеет 14–15 венцов, диаметр бревен 20–25 см.

Таблица 2

Количество венцов в жилых домах в соотношении с типом построек

Table 2

The number of a row of logs in a house in relation to the type of buildings

Количество венцов	Изба	Изба с прирубом	Изба-связь	Пятистенок	Пятистенок с прирубом	Крестовой дом	Всего
До 10 включительно	9	6	—	4	—	—	19 (13,3 %)
11–15	6	15	2	60	6	4	93 (65 %)
Более 15	2	1	1	21	5	1	31 (21,7 %)

При изучении жилищ необходимо обратить внимание на ряд конструктивных элементов (табл. 3). Во-первых, это сени. Как пишет Е.А. Ащепков, сени были необходимой принадлежностью жилища даже на ранних этапах его развития [1950, с. 32], однако в деревнях Большереченского района они были зафиксированы только у 40 % построек. В остальных случаях их заменяло крытое крыльцо, реже — крыльцо с верандой или крытый двор. За редким исключением, сени располагались под одной крышей с основной постройкой.

Другой важный конструктивный элемент жилища — крыша. Письменные и этнографические источники свидетельствуют, что двускатная крыша имела распространение в русских постройках по всей территории страны [Ащепков, 1950, с. 69; Александров, 1981, с. 112]. Четырехскатный вариант считается более поздним и встречается реже, что фиксируется и по результатам собственных наблюдений автора. Здесь стоит выделить два интересных момента. В селах Такмык, Ингалы, Могильно-Посельское и в деревне Осихино четырехскатная крыша — атрибут типовых пятистенков конца XIX — первого десятилетия XX в. Местные жители называют такие дома «польскими». Характерной чертой, кроме крыши, является наличие небольшой мансарды с кованой оградкой по контуру.

Конструктивные элементы жилых домов в соотношении с типом построек

Table 3

Constructive elements of residential buildings in relation to the type of buildings

Конструктивные элементы	Изба	Изба с прирубом	Изда-связь	Пятистенок	Пятистенок с прирубом	Крестовой дом	Всего
Сени	9	4	1	39	2	3	58 (39,5 %)
Крытый двор	—	2	—	5	—	1	8 (5,4%)
Четырехскатная крыша	1	—	—	34	3	3	41 (27,9 %)
Крыша, крытая дранью	4	—	2	4	1	-	11 (6,9%)
Резные наличники	2	2	—	31	1	1	37 (25,2 %)

В Евгацино изучена изба конца XIX в. под высокой четырехскатной шатровой крышей, первоначально крытой дранью. Д.К. Зеленин считает такой тип кровли архаичным и распространенным преимущественно у украинцев и белорусов [1991, с. 294–296], это позволяет предположить, что изученное жилище в Евгацино построено представителями какого-то из этих народов.

Отдельно стоит остановиться на некоторых архаичных конструктивных элементах жилищ, выявленных в ходе обследования. К таким, в частности, можно отнести крыши, крытые не шифером, металлическими пластинами или металлочерепицей, а дранью (тонкими досками). Они присутствуют на 11 постройках: 9 жилых и 2 хозяйственных. В 8 случаях доски сверху покрыты рубероидом. К архаичным конструктивным элементам жилища можно также отнести окна из небольших стеклянных пластин, зафиксированные в двух жилых постройках с Евгацино. Размеры пластин от 30×60 см до 40×50 см.

Последним элементом, на который хотелось бы обратить внимание, являются резные наличники, зафиксированные в 25 % изученных построек. Как представляется, этот элемент говорит о зажиточности хозяев дома, о стремлении последних продемонстрировать свой достаток и социальное положение.

Хозяйственные постройки в сельских усадьбах Омского Прииртышья представлены дощатыми сараями, хлевами и бревенчатыми банями/сеновалами. Из девяти изученных пять перестроены из жилых домов (четыре избы и один пятистенок) путем замены двускатной крыши на односкатную и закладкой окон. В наблюдениях, сделанных в XX в. [Шелегина, 2005; Ащепков, 1950], подобная практика не фиксировалась, это говорит о резком сокращении численности сельского населения в регионе в последние годы. Оставшиеся четыре хозяйственные постройки представляют собой связи. Две, изученные в Колбышево, трехчастные, типа клеть-сени-клеть, в одной из них обращает на себя внимание бревенчатый (самцовый) фронтон, не встречаемый в жилых постройках. Две связи в Терехово состоят из пяти частей каждая. В первом случае это три клетки и дощатая часть (под одной крышей), с которой стыкуется еще одна клеть — перестроенная под сеновал жилая изба. Во втором случае расположение частей следующее (справа-налево): клеть-клеть-клеть-часть, набранная в заплот из коротких бревен-клеть, все под общей крышей. Как видно, сохранение подобных архаичных построек обусловлено более низкими требованиями к их внутреннему и внешнему состоянию, неизменностью основных принципов хозяйственной деятельности сибирского крестьянства с конца XIX в.

В заключение можно сказать, что основным типом жилой постройки русских переселенцев в конце XVI — первой половине XVII в. была изба. Однако во второй половине XVII — XVIII в. развитие приемов домостроения привело к распространению более сложных многокамерных построек. В городе это характерно в первую очередь для представителей царской администрации, высшего духовенства и воинских командиров, чьи дома располагались по большей части в кремле, были большими по площади и строились по последнему уровню известной на конкретный период времени технологии. Так, в домах представителей высших слоев общества первыми появились печи «по-белому», изразцовые печи и т.п. В острожной части городской территории среди средних слоев горожан отмечается распространение в обозначенный период социально значимых конструктивных элементов дома, в частности печей с трубами и слюдяных окон.

Жители сельской местности в XVII — первой половине XVIII в., развив известные им приемы домостроительства, приступили к возведению многокамерных построек большой площади с развитой усадьбой. При этом набор социально-маркирующих конструктивных элементов был такой же, как и в городе. Археологический материал, полученный в ходе изучения жилых по-

строек сельских памятников Прииртышья, в целом однотипен и в равной степени характерен как для деревни, так и для города.

К концу XIX в. возникает новая тенденция, связанная с преобладанием в русской деревне двухкамерных построек, прежде всего пятистенков. Они, будучи достаточно вместительными, требовали меньше материала для строительства в сравнении с многокамерными связями, легче отапливались. Кроме этого, вероятно имело место серийное строительство подобных домов, связанное с переселенческими волнами конца XIX — начала XX в. Многокамерные постройки, прежде всего пятистенки с прирубом и крестовые дома, характерны для зажиточных слоев сельского населения. В ходе полевых наблюдений отмечено сохранение в современной деревне архаичных элементов, идущих из XVIII–XIX вв. Это многочастные избы-связи, окна, набранные из небольших стеклянных пластин, крыши, покрытые дранью.

Проведенные исследования выявили необходимость всестороннего изучения сохранившейся сельской и городской деревянной архитектуры Западной Сибири XIX — начала XX в. В связи со стремительным сокращением численности сельского населения в регионе, многие постройки, возрастом более ста лет, ветшают и разрушаются. Другой проблемой, препятствующей этнографическим наблюдениям, является перестройка старинных домов с помощью современных материалов (окна ПВХ, металлический профиль, сайдинг и т.п.). Разрушение традиционной русской сибирской усадьбы в современную эпоху делает необходимым проведение масштабных этнографических экспедиций в ближайшие годы. Это позволит сформировать базу данных для последующих комплексных исследований, опирающихся на всю полноту письменных, археологических и этнографических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском Кремле // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. С. 450–453;

Александров В.А. (отв. ред.). Этнография русского крестьянства Сибири: XVII — середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.

Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: Описание, датировка, назначение (по материалам первого и второго гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 138–142.

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. 140 с.

Бережнова М.Л. Челдоны как группа русских сибиряков: Поиск социальных истоков ее формирования // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 16–24.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.

Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX вв. Барнаул: Аз Бука, 2006. 188 с.

Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. Градостроительное развитие города Тары в XVIII–XIX вв. // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 239–245.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Освоение Сибири: Сохранение и трансформация русской культуры в XVII — начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс студия, 2005. 100 с.

Майничева А.Ю. Крестьянское жилище северной части верхнего Приобья в конце XIX — начале XX вв. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 106–145.

Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 251–262.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967. 300 с.

Татауров С.Ф. Город и деревня в Тарском Прииртышье в конце XVI — первой половине XVIII вв. — точки соответствия и различия в археологических материалах // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2014. С. 139–146.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Жилой комплекс XVII века в городе Таре в исследованиях 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 669–673.

Татауров Ф.С.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках города Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII веках: Археологические реконструкции // УИВ. 2018. № 2 (59). С. 135–142.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: Итоги исследований 2011–2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 292–295.

Татаурова Л.В. Структура усадебных комплексов и размеры жилищ у русского населения Приангарья конца XIX — середины XX в. (по материалам Л.М. Сабуровой) // Вестник ТГУ. История. 2018. № 56. С. 158–166. <https://doi.org/10.17223/19988613/56/21>

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI — XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель Полиграфист, 2014. 374 с.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001. 184 с.

Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX в.: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005. 192 с.

Tataurov Ph.S.

BKI "Museum-Reserve "Antiquity Siberian"
Sovetov st., 29, Bolsherechye, Omsk region, 646670, Russian Federation
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Residential buildings of the Russian population in the Omsk Irtysh region in the 17th — beginning of the 20th c. in the archaeological and architectural-ethnographic dimension

Over the past thirty-five years, a series of archaeological sites of the period of the Russian colonization of Siberia have been investigated in the territory of the Siberian macroregion, which made it possible to identify regional features and to trace evolution of the socio-cultural identity of the Russian Siberian in the 17th–19th cc. A topical issue is the in-depth study of the processes of ethno-cultural adaptation in microregions. In this work, as one of the aspects of adaptation, changes in the house exterior in the Omsk Irtysh region are considered. This work is aimed to consider main types of the residential buildings of the Russian population in the Omsk Irtysh region in the 17th — early 20th c. in order to determine their specifics and development trends. The work is carried by a complex approach, involving the use of different types of sources, such as archaeological, written, and ethnographic. To compare the buildings studied in the Omsk Irtysh region with houses in other regions, a comparative historical method was used. Analysis of the archaeological materials on the architecture and layout of urban dwellings of the 17th–18th cc. showed specifics of the housing in different parts of the town. The houses of the representatives of the tsarist administration, senior clergy, and military commanders with multi-chambered buildings were located in the territory of the kremlin — the central part of the town. In the walled part of Western Siberian towns, where representatives of other social groups lived, both single-chambered and multi-chambered houses were built, although so far only few of them have been identified archaeologically. Stoves with chimneys and mica windows, as socially significant structural elements of the house, were gradually becoming attributes of the dwellings not only of the representatives of the tsarist administration, but also of the middle strata of the townspeople. In the rural areas, Russian immigrants in the 17th — first half of the 18th c. were erecting multi-chambered buildings of a large area. The set of socially-marking structural elements was the same as in the town. The archaeological material obtained during the study of residential buildings of the rural sites of the Irtysh Basin is generally of the same type and is equally characteristic of village and town alike. Based on the results of the author's own ethnographic observations, a characteristics of individual residential buildings of the 19th — beginning of the 20th c. is given. There has been noted the prevalence of two-chambered dwellings by the end of the 19th century in the Russian village, which required less building material, as compared with multi-chambered counterparts, and were easier to heat. Multi-chambered buildings and carved platbands constituted socially marking traits of dwellings of the wealthy strata of the rural population. The field observations warranted further archaeological and ethnographic studies of the rural and urban wooden architecture to gain a deeper insight on the evolution of the house-building that combined traditional elements of the 17th–18th cc. with innovations, simplification, and standardization of the 19th–20th cc.

Keywords: residential buildings, Omsk Irtysh region, the 17th — beginning of the 20th century, archaeology, ethnography of Russians.

REFERENCES

Adamov, A.A. (2000). Archaeological research in the Tobolsk Kremlin. In: *Russkiye starozhily: Materialy III-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri»*. Tobolsk; Omsk: OmGPU, 450–453. (Рус.).

- Aleksandrov, V.A. (Ed.) (1981). *Ethnography of the Russian peasantry of Siberia: The 17th — mid-19th centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Anoshko, O.M. (2014). Posad constructions of Tobolsk of the 17th–19th centuries: Description, dating, purpose (based on the materials of the first and second living excavations). In: *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh. Vol. I*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 138–142. (Rus.).
- Ashchepkov, E.A. (1950). *Russian folk architecture in Western Siberia*. Moscow: Izd-vo Akademii arhitektury SSSR. (Rus.).
- Berezhnova, M.L. (2011). Cheldons as a group of Russian Siberians: The search for the social origins of its formation. In: *Sibirskiy sbornik — 3. Narody Yevrazii v sostave dvukh imperiy: Rossiyskoy i Mongol'skoy*. St. Petersburg: MAE RAN, 16–24. (Rus.).
- Chernaya, M.P. (2015). *Voivode Manor in Tomsk. 1660 to 1760: Historical and Archeological Reconstruction*. Tomsk: D' Print. (Rus.).
- Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R. (2006). *Essays on the history of the city of Tara, the late 16th — early 20th centuries*. Barnaul: Az Buka. (Rus.).
- Gumeyuk, A.N., Lyalikov, I.V. (2013). Urban development of the city of Tara in the XVIII–XIX centuries. *Omskij nauchnyj vestnik*, 122(5), 239–245. (Rus.).
- Kurilov, V.N., Lyutsidarskaya, A.A., Maynischeva, A.Yu. (2005). *The development of Siberia: The preservation and transformation of Russian culture in the 17th — early 20th centuries: Historical and ethnographic essays*. Novosibirsk: PrePress Studio. (Rus.).
- Majnischeva, A.Yu. (2002). Peasant dwelling in the northern part of the upper Ob region in the late 19th — beginning of the 20th centuries. In: *Russkie starozhily i pereselency Sibiri v istoriko-etnograficheskikh issledovaniyakh*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 106–145. (Rus.).
- Parkhimovich, S.G. (2008). A collection of artifacts from the excavations of Berezovsky settlement. In: *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Apel'sin, 251–262. (Rus.).
- Saburova, L.M. (1967). *Culture and life of the Russian population of Angara*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Shelegina, O.N. (2001). *Adaptation of the Russian population in the conditions of the development of the territory of Siberia (historical and ethnographic aspects. XVII–XX centuries)*. Moscow: Logos. (Rus.).
- Shelegina, O.N. (2005). *Adaptation processes in the life support culture of the Russian population of Siberia in the 18th — early 20th centuries: (On the statement of the problem)*. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga. (Rus.).
- Tataurov, S.F. (2014). Town and village in the Tara-Irtysh area at the end of the 16th — the first half of the 18th centuries: Points of correspondence and differences in archaeological materials. In: *Sibirskaya derevnya: Istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya*. Omsk: Izd-vo OmGAU, 139–146. (Rus.).
- Tataurov, S.F., Chernaya, M.P. (2014). The estate on the territory of the Tara fortress: The results of 2011–2014 research. In: *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Materialy itogovoy sessii Instituta arheologii i etnografii SO RAN 2012 g. Vol. XX*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 292–295. (Rus.).
- Tataurov, S.F., Tataurov, F.S. (2021). Residential Complex of the 17th Century in the City of Tara in the Researches of 2021. In: *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Vol. XXVII*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 669–673. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2021.27.0669-0673>
- Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S. (2019). *Archaeological annals of the Tara land*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. (Rus.).
- Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Samigulov, G.Kh. (2018). Mica windows in the buildings of Tara town and its outskirts in the 17th–18th centuries: Archaeological reconstruction. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 59(2), 135–142. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2\(59\)-135-142](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2(59)-135-142)
- Tataurova, L.V. (2018). Estate complexes structure and dwellings' sizes of the Russian population of the Angara region in the late XIX — mid XX century (based on L.M. Saburova's materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (56), 158–166. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/19988613/56/21>
- Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhomirov, K.N., Tikhonov, S.S. (2014). *Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th — 18th centuries (based on archaeological research)*. Omsk: Izdatel' Poligrafist. (Rus.).
- Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2008). *Mangazeya: New archaeological research (the materials of 2001–2004)*. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).
- Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2017). *Mangazeya: The estate of the polar town*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Caravan. (Rus.).
- Zelenin, D.K. (1991). *East Slavic ethnography*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Tatayrov Ф.С., <https://orcid.org/0000-0002-9447-1035>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.09.2022

Article is published: 15.03.2023